

Михаил Петров

ФЕНОМЕН
РУССКОЙ ДУШИ:
В КВАДРАТНОМ
ДЮЙМЕ ТРИСТА
САЖЕН

Таллин. 2012-2024

Извлечение

Ничуть не менее достоверен и тот факт, что по всей вселенной, в любом королевстве, любой республике, каждом городе, селении и деревушке, в любом деревенском замке, где есть служанки, старухи и пастухи, в любой книге и в любой старинной легенде можно найти бесчисленное множество домов, откуда благодаря пуку, разумеется дифтонговому, был изгнан дьявол. В сущности, это самый действенный из известных способов избавиться от дьявольского присутствия.<...> Мы совершенно убеждены, что искусство можно обмануть только искусством, хитрость — хитростью; что клин вышибается клином: что сильный свет затмевает слабый и что звуки, запахи и тому подобное обладают способностью поглощать своих маломощных собратьев; стало быть, Ангел тьмы будет весьма обескуражен, узнав, какой факел передаём мы в руки тех несчастных, которых он старается оболстать, ведь тем, кто возьмёт его, уже нечего будет страшиться.

Сальвадор Дали. Искусство пука.

От автора

Сборник эссе был издан в 2012 году. В оригинальном издании ничего не устарело, просто кое-что временно потеряло актуальность. Тем не менее я хочу переиздать оставшееся, потому что... Потому что...

Ну, вы всё поняли.

© 2024 Michael Petrov

Внучка Суворова

На таллинском Александро-Невском кладбище (Siselinna) ныне можно видеть современное надгробие на могиле княгини Горчаковой — внучки генералиссимуса Александра Суворова. Энтузиасты кладбищенского дела утверждают, что именно на этом месте — чуть правее паперти кладбищенской церкви, если смотреть с руин — до 1941 года кто-то видел ее могилу. Церковь была разрушена во время войны, вместе с ней пострадали и некоторые из близлежащих захоронений.

Текст на новом памятнике как будто свидетельствует о том, что те, кто его заказывал и устанавливал, заранее были уверены в том, что безапелляционность их утверждения будет непременно оспорена:

ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ВНУЧКА СУВОРОВА

**Кн. В.А. Горчакова
Ур. Суворова-Рымникская
графиня, княжна Италийская
1802-1885**

Кунштюк номер один становится понятен, когда сравниваешь надгробие внучки с надгробием деда в Нижней Благовещенской церкви Александро-Невской лавры:

**ЗДЕСЬ
ЛЕЖИТЬ
СУВОРОВЪ.**

История этой эпитафии такова. Суворов осматривал гробницу австрийского генералиссимуса барона Эрнста Лаудона. Он обратил внимание на многословную эпитафию и после осмотра объявил свою волю правителю собственной канцелярии:

«На гробнице моей написать только три слова: “Здесь лежит Суворов”». Вопреки воле покойного первоначальная эпитафия гласила: *«Генералиссимус, князь Италийский, граф А.В.Суворов-Рымникский, родился в 1729, ноября 13-го, скончался 1800, мая 6 дня».* Внук Суворова Александр Аркадьевич добился, чтобы воля деда была исполнена, и надгробие заменили.

Тот, кто устанавливал памятник Варваре Аркадьевне, решил соединить краткость деда и пышность льстецов, хотя всех заслуг Варвары Аркадьевны перед российской историей — прямое родство с генералиссимусом Суворовым, покровительство начинающему художнику маринисту Ивану Константиновичу Айвазовскому и возможное присутствие в донжуанском списке Александра Сергеевича Пушкина.

Бывая в доме у сестер Ушаковых в 1829-1830 годах, Пушкин в два этапа записал в альбом Елизаветы имена женщин, которые произвели на него сильное впечатление. Во второй части «донжуанского списка» упоминаются две Варвары. Кто они точно не установлено, но есть обоснованное предположение о Варваре № 2, что это либо Варвара Ермолаева, либо Варвара Суворова. Отыскать портрет Варвары Аркадьевны нахрапом не получилось, поэтому ограничусь описанием её современника мемуариста Филиппа Филипповича Вигеля:

«Варвара Аркадьевна, была не хороша и не дурна собою, но скорее последнее; только на тогдашнее петербургское высшее общество, столь

пристойное, столь воздержанное в речах, она совсем не походила, любила молоть вздор и делать сплетни; бывало, совет что-нибудь мужу, тот взбесится, и выйдет у него с кем-нибудь неприятность».

Варвару Аркадьевну угораздило попасть под раздачу — в девяностых годах прошлого века памятники ставили не столько историческим персонажам, сколько себе любимым. Для появления памятника достаточно было самой ничтожной мотивации. Так видный общественный деятель Николай Соловей, поставил в центре Таллина практически немотивированный памятник Достоевскому, т.е. самому себе.

Кушштюк номер два заключается в том, что небрежность авторов кенотафа порождает досадную, как теперь говорят, непонятку. Посетители кладбища бывают уверены в том, что это могила супруги министра иностранных дел светлейшего князя **Александра Михайловича Горчакова**, хотя в действительности речь идет о его троюродной бабке, состоявшей с ним в некровном родстве, т.е. свойстве. Непонятка тем более обоснованная, что даты жизни и смерти обоих весьма близки друг к другу: Александр Михайлович — 1798-1883, Варвара Аркадьевна — 1802-1885.

На камне не хватило места для имени и отчества княгини Горчаковой, урожденной светлейшей княжны **Варвары Аркадьевны Суворовой**. Первым браком она была за действительным статским советником **Дмитрием Евлампиевичем Башмаковым**, с которым имела шестерых детей. В браке она утратила право пользоваться своими семейными титулами, что не учтено в надписи на кенотафе. Овдовев, вышла замуж за полного генерала князя **Андрея Ивановича Горчакова** (1776-1855), и стала княгиней Горчаковой. Брак был бездетным. Житейская логика подсказывает, что искать могилу **Варвары Аркадьевны Горчаковой**, в первую очередь, следует в том же некрополе, в котором похоронен ее второй муж — **князь Андрей Иванович Горчаков**, хотя авторы кенотафа утверждают категорически: *здесь лежит*, в смысле на таллинском кладбище. И утверждение это гуляет по справочникам.

Княгиня Мария Александровна Горчакова, урождённая **Урусова**, вдова **Мусина-Пушкина**, жена канцлера **Александра Михайловича Горчакова**, тоже где-то похоронена, но точно не в Таллинне.

***

Русские некрополи, и это, несомненно, есть зримые предметы национальной истории и культуры. Разумеется, если принять, что некрополь является лучшим доказательством исторического бытия национальной общности или исторического персонажа.

Русский некрополь окучивал председатель Общества охраны памятников русской культуры и истории в Эстонии Юрий Павлович

Крест на месте церковного алтаря. Справа от креста о. Геннадий, крайний слева автор. Мерикюла, 2001

Мальцев. Он был весьма искущён в интригах, и все же после моей реплики разгневанный «тигр» принуждён был спуститься на равнину, где перестал чувствовать себя комфортно.

Юрий Павлович выступил с гневным опровержением «заметки» о кенотафе княгини Горчаковой, которая была опубликована на информационном портале Slavia. При всем моем уважении к покойному ныне Ю.П.Мальцеву, должен отметить, что он слишком ревниво охранял свои кладбищенские выгулы от посторонних. В отношении меня Юрий Павлович не сдержался, допустил личные выпады и даже грубость.

В 2001 году мне довелось вместе с тогдашним настоятелем Владимирской церкви в Усть-Нарве протоиереем Геннадием (Куприяновым), Павлом Григорьевым и несколькими церковными активистами расчищать в местечке Мерикюла место, на котором когда-то находился храм Казанской Божьей Матери. В 1946 году прихожане перенесли храм в Усть-Нарву, где его освятили в честь Святого Владимира.

Нам досталось расчищать не только наносы времени, но и последствия нашествия молодых «охранителей старины», вдохновленных лично Юрием Павловичем Мальцевым. Больше всего пришлось повозиться со срубленными на высоте полутора метров стволами деревьев.

Кенотаф княгини Горчаковой. Фото 2011 года.

Позже я наблюдал ту же картину в Мерикула вокруг памятника Василию Генту — тот же почерк и в сходных обстоятельствах. В Мерикула мы спилили обрубки, вывезли брёвна, прибрали сколько могли церковное кладбище, засыпали приличных размеров яму на месте алтаря и соорудили там простой деревянный крест. Под слоем мха и песка мы нашли чугунный крест с именем человека, чьи потомки до сих пор живут в Усть-Нарве. Восстановленное ими надгробие предка *Мерикульского* сегодня можно видеть справа от входа на кладбище. Позже стараниями отца Геннадия на месте деревянного креста в алтаре храма поставили каменную божницу.

Каково же было моё удивление, когда осенью в Таллинне мне рассказали, что Юрий Павлович Мальцев уже доложил Митрополиту Корнилию, что его личными трудами и заботами кладбище в Мерикула приведено в порядок. Я же полагал, что прерогатива доклада принадлежала протоиерею Геннадию.

Вот теперь вернёмся к внучке Суворова.

Прежде всего, охранителя старины взволновало то обстоятельство, что было подвергнуто сомнению место, на котором установлен кенотаф. Мальцев утверждает, что место могилы на холме справа от входа на кладбище неоднократно упоминалось в разных изданиях:

<Раба Бо>жия Варавара <Аркадь>евна
<Г>орчакова
рож. светлейшая княжна <С>увор<ова>
<...> 19 марта 1803
сконч<алась> <...> февр<...>

«Но с точностью до полуметра место погребения на известной площадке сейчас не определено. Чтобы узнать все это, нужно просто посмотреть справочник».

В качестве доказательства Юрий Павлович приводит фотографию памятника с могилы Горчаковой, но без указания места её обнаружения, автора снимка и его даты. По представленной Мальцевым копии можно судить лишь о том, что снимок обрезан таким образом, чтобы невозможно было привязать его к местности.

Приложив некоторые усилия, на опубликованной Мальцевым фотографии надгробия можно прочесть, а частью угадать текст. Между текстом на кенотафе и текстом с изображённого на фотографии надгробия, есть существенное различие: датой рождения на кенотафе указан 1802 год, а на фотографии ясно читается «1803».

Позволительно спросить, а кто мешал авторам кенотафа определить место могилы с точностью до полуметра, всего-то обратившись к справочникам? Кенотаф установлен почти в центре чужого фамильного захоронения, ясно очерченного сохранившимся фундаментом ограды. Ну не странно ли?

Мальцев не разделял моих недоумений по поводу того, почему на кенотафе указаны девичьи титулы покойной, право на которые она утратила, выйдя замуж. А ведь именно по этой причине на кенотафе не хватило места для имени и отчества покойной, что как-то не очень похристиански. Вот что далее писал Юрий Павлович:

«Мы не заезжие временщики, чтобы не ценить нашу местную русскую историю. И не варвары, чтобы не уважить род Суворовых (...) Естественно, что памятник на этой могиле был восстановлен одним из первых и с "суворовскими" титулами (спасибо инициатору восстановления памятника и автору суворовско-чеканной части эпитафии Э.Шаумяну)».

Суворовско-чеканная часть надписи — *«Здесь лежит внучка Суворова»* в сочетании с неопределённым местом её возможного погребения наводит меня на грустные размышления.

Фантазиям Шаумяна есть точное медицинское определение, поему это был довольно слабый аргумент в полемике. Писатель Владимир Ильяшевич в обширном труде с описанием русского некрополя в Эстонии называет безумного Эдуарда Шаумяна одним из тeneвых хозяев Александро-Невского кладбища — *сталкером*. У братьев Стругацких понятие «сталкер» соотнесено с людьми, тайно проникающими в зону приземления инопланетян и выносящими оттуда чудесные предметы внеземного происхождения. Что таскал с кладбища *сталкер Шаумян*, кроме «фантазий», нам не ведомо.

Вот, читаю у Мальцева инвективу в свой адрес:

«Насчёт корысти людей, восстановивших рассмотренный и многие другие памятники, могу М.Петрова успокоить – эти люди никогда не просили и не получали за это денег, равно как не занимались саморекламой. Они просто исполняют долг русского культурного человека».

Может быть, и так, но кенотаф внучке Суворова поставлен на деньги, выбитые из посольства Российской Федерации в интересах теневых хозяев кладбища. Не эту ли сомнительную коллизию Мальцев пытался выдать за долг русского человека? С моей точки зрения, долг всякого, в том числе русского человека, особенно, если он полагает себя культурным, состоит в том, чтобы не вводить соплеменников в блудняк.

Восстановленный или вновь созданный памятник должен быть отчетливо мотивирован в культурно-историческом пространстве и в коллективном сознании русской общины. Более того, новодел должен принять и гений места — *genius loci*, чтобы не получилось так, как с памятником Фёдору Достоевскому, что стоит на пафосном месте, но перманентно обосран голубями и одинок как перст 364 дня в году.

Вот и кенотаф суворовской внучки какое-то время опекало российское посольство, оправдывая выделенные на его установку средства: раз в году посольство оставляло подле него скромный букет с ленточкой в цветах российского флага. Мальцев умер, сталкер Шаумян пропал без вести, про писателя Ильяшевича ничего не знаю. А по факту сегодня некому просто смести снег с кенотафа.

Тест Гамлета-Отелло

Как-то раз, желая проверить уровень правового мышления студентов третьего курса юрфака, я придумал экспресс-тест на сообразительность. Простое дело: дословно перевести на русский язык известный русский фразеологизм «не мытьем, так катаньем». Забавно, что практически никто из студентов не испытывал трудностей со смысловой нагрузкой фразеологизма: добиться чего-то не так, так эдак.

А вот с переводом — тупик. Интернет подсовывает весьма оригинальное объяснение:

«Мало кто из современных читателей видел или знает, как шерстобиты выделяют валеную обувь. А при этом промысле шерсть, идущую на валенки, и моют, и парят, и валяют, и катают». (...) Есть мнение, что именно в среде валеничников-шерстобитов могло родиться и это присловье».

Эта ахинея повторяется в интернете с завидной регулярностью. Между тем ларчик открывается весьма просто. Мытарь – сборщик налогов, мытарить – взимать налоги. В «Полном Церковно-славянском словаре» указано ещё два значения термина мытарь — лихоимец, притесни-

тель. Кат — палач, истязатель, в широком смысле — разбойник. Таким образом, получаем перевод: если не сбором налогов, то пытками (истязаниями, разбоем). Сборщики подати в Древней Иудее — мытари, по сути своей были весьма презренными римскими экзекуторами. Так что фразеологизм имеет весьма точное юридическое содержание.

Потом я придумал другой тест, более сложный, требовавший работы с материалом. Представим, что перед судом предстали два шекспировских персонажа — Гамлет, принц Датский, и Отелло, благородный мавр на службе Венецианской Республики. Гамлет обвиняется в заговоре, с целью совершения нескольких умышленных убийств. Отягчающее вину обстоятельство — месть. Отелло обвиняется в умышленном убийстве жены, также совершенном с отягчающим обстоятельством — из ревности. Один из них хладнокровный убийца, другой неудачник — почти рогоносец. Отсюда вопрос: кто из двоих заслуживает снисхождения суда?

Случись присяжным разбирать оба дела, виновными признали бы обоих, но лишь один был бы достоин снисхождения.

Вот обстоятельства, характеризующие Отелло (здесь и далее использованы переводы Михаила Лозинского):

Дездемона. Ты ляжешь, мой синьор?

Отелло. Ты помолилась на ночь, Дездемона?

Дездемона. Да, мой синьор.

Отелло. Когда ты знаешь за собою грех, \ Не примирённый с милостью небесной, \ Покайся в нем сейчас же.

Дездемона. Мой синьор, \ Что это значит?

Отелло. Слышишь? Горопись. \ Я отойду. Мне тяжело убивать \ Твой неготовый дух. Избави Боже, \ Чтоб я убийцей стал твоей души.

Дездемона. Ты говоришь —убить?

Отелло. Да, я сказал.

Дездемона. Святое Небо, сжался надо мной!

Отелло. Аминь, всем сердцем!

Дездемона. Раз ты так сказал, \ Ведь ты же не убьёшь меня.

Отелло. О-о!

Дездемона. И все же я боюсь тебя. Ты страшен, \ Когда вот так ворочаешь глазами. \ Чего бояться, я сама не знаю, \ Раз нет за мной вины; но я боюсь.

Heinrich Hoffmann. Engraving “Othello. Sleeping”.

Отелло. Помысли о своих грехах.

Дездемона. Мой грех —\ Любовь к тебе.

Отелло. За это ты умрёшь.

На гравюре Хоффмана мы видим Отелло перед постелью спящей Дездемоны. Лик её спокоен и прекрасен. Словно она уже уснула навсегда. Венецианский мавр прекрасен в своей скорбной решимости. На его поясе меч, в правой руке дага. Прощальный взгляд на Дездемону перед тем, как он разбудит её...

Несчётное количество раз читатели и зрители потешались над бедным мавром за это его «*Молилась ли ты на ночь, Дездемона?*», не понимая и не желая понять его. Между тем за репликой «*За это ты умрёшь*» вместо решительных действий оскорблённого мужа следует безобразная, затянутая сверх всякой меры сцена выяснения супружеских отношений. Автору явно отказало чувство меры. Решил убить, — убей!

Шекспир не оставил нам подсудимого. Узнав о том, что Яго оклеветал Дездемону, Отелло закалывает себя уже знакомым нам кинжалом — дага.

Finita la Tragedia!

***

А что же Гамлет? Он более хладнокровен и расчётлив, чем Отелло. Расчёт его мстителен и беспощаден изначально. Вот объясняющая всё сцена, венчающая игру комедиантов — король в припадке ярости скрывается в молельне.

Король

Благодарю.

Полоний уходит.

О, мерзок грех мой, к небу он смердит;
На нем старейшее из всех проклятий –
Братоубийство! Не могу молиться,
Хотя остра и склонность, как и воля;
Вина сильней, чем сильное желанье,
И, словно тот, кто призван к двум делам,
Я медлю и в бездействии колеблюсь.
Будь эта вот проклятая рука
Плотней самой себя от братской крови,
Ужели у небес дождя не хватит
Омыть её, как снег? На что и милость,
Как не на то, чтоб стать лицом к вине?
И что в молитве, как не власть двойная –
Стеречь наш путь и снискивать прощенье
Тому, кто пал? Вот, я подьемлю взор, —
Вина отпущена. Но что скажу я?
«Прости мне это гнусное убийство?»
Тому не быть, раз я владею всем,
Из-за чего я совершил убийство:
Венцом, и торжеством, и королевой.
Как быть прощённым и хранить свой грех?
В порочном мире золотой рукой
Неправда отстраняет правосудье
И часто покупается закон
Ценой греха; но наверху не так:
Там кривды нет, там дело предложит
Воистине, и мы принуждены
На очной ставке с нашею виной
Свидетельствовать. Что же остаётся?
Раскаянье? Оно так много может.
Но что оно тому, кто нераскаян?

Король Клавдий. Молитва после представления. Михаил Названов

О жалкий жребий! Грудь чернее смерти!
Увязший дух, который, вырываясь,
Лишь глубже вязнет! Ангелы, спасите!
Гнисть, жёсткое колено! Жилы сердца!
Смягчитесь, как у малого младенца!
Все может быть ещё и хорошо

(Отходит в сторону и становится на колени.)

Входит Гамлет.

Гамлет

Теперь свершить бы все, — он на молитве;
И я свершу; и он взойдет на небо;
И я отмщён. Здесь требуется взвесить:
Отец мой гибнет от руки злодея,
И этого злодея сам я шлю

На небо.

Ведь это же награда, а не месть!
Отец сражен был в грубом пресыщенье,
Когда его грехи цвели, как май;
Каков расчет с ним, знает только небо.

Принц Гамлет с черепом шута. Иннокентий Смоктуновский.

Но по тому, как можем мы судить,
С ним тяжело: и буду ль я отмщён,
Сразив убийцу в чистый миг молитвы,
Когда он в путь снаряжен и готов?

Нет.

Назад, мой меч, узнай страшной обхват;
Когда он будет пьян, или во гневе,
Иль в кровосмесных наслажденьях ложа;
В кощунстве, за игрой, за чем-нибудь,
В чём нет добра. – Тогда его сшиби,
Так, чтобы пятками брыкнул он в небо
И чтоб душа была черна, как ад,
Куда она отправится. – Мать ждёт, –
То лишь отсрочку врач тебе даёт.

(Уходит.)

Без всякого сомнения, коллегия присяжных признала бы за Венецианским мавром право на снисхождение суда. В основе такого решения лежало бы средневековое поверье, согласно которому искренняя молитва перед смертью давала шанс попасть на небеса даже закоренелому злодею. Идея основана на истории благоразумного разбойника, распятого вместе с Иисусом, Разбойник уверовал и умоляет Христа вспомнить о нём во царствии Божьем:

«И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!» (Лука, 23:42)

Прежде чем удушить Дездемону, Отелло даёт ей шанс на молитву и покаяние. Её душа заслуживает лучшей доли, чем тело...

Иное дело Гамлет. У нас вообще очень неправильное представление о Гамлете. Он, и это, несомненно, благороден, образован и утончён в рамках своего времени, но обычай требует от него других качеств, и Гамлет становится лживым, изворотливым и жестоким. Ведь нет же никакой необходимости убивать Полония, но на нём Гамлет проверяет собственную решимость к мести. Полоний — *burattino* — кукла, на которой Гамлет оттачивает смертельный удар, предназначенный для дяди.

После смерти отца по праву майората Гамлет как старший сын в семье наследует корону. Женидьба Клавдия на вдове старшего брата — королеве ещё не делает его самого королём. Между ним и короной стоит наследник — Гамлет. И Гамлет знает, что после смерти отца он обречён на смерть, если оставит дядю в живых.

Вот он стоит в молельной за дядиной спиной, полный решимости убить, но месть — блюдо, которое сервируют холодным. Убить дядю во время покаянной молитвы, значит отправить его душу на небеса, которых он не достоин. Именно это обстоятельство лишает Гамлета снисхождения суда.

А вы бы прошли этот несложный тест?

Тройка, семёрка... Дама!

На моей книжной полке стоит некогда откопанное на книжном развале роскошное издание «Пиковой дамы» Товарищества Р.Голике и А.Вильборг в Петрограде. Товарищество было основано в 1903 году в Санкт-Петербурге путем слияния типолитографии статского и коммерции советника Романа Романовича Голике (на фото справа) и фотоцинкографии

потомственного почётного гражданина Артура Ивановича Вильборга (на фото слева). Товарищество быстро получило статус *Поставщика Двора*

Его Императорского Величества. В 1918 году «Товарищество» было национализировано и превращено в 15-ю государственную типографию.

Однако вернёмся к «Пиковой даме». Первое издание (1911) считается лучшим дореволюционным изданием повести и вообще значительным событием русской художественной жизни.

Мой экземпляр 1917 года несколько скромнее. И все же он отпечатан на дорогой бумаге *верже* (франц. *verge* — полосатая) с видимой на просвет сеткой из резких полос (вержеров), пересеченных под прямым углом частыми, близко расположенными полосами понтюзо (франц. *pontuseaux*), имеет слегка потрепанную издательскую картонажную обложку, форзац из узорной цветной бумаги и роскошный фигурный обрез. Главы отделены друг от друга шмуцтитулами (нем. *Schmutztitel* — «грязное заглавие») с цветными вклейками, текст окаймлен орнаментальной рамкой и снабжен акцидентным набором — заставками и концовками. Но главная фишка — сюжетные иллюстрации Александра Бенуа, делающие книгу настоящим произведением искусства.

Наиболее авторитетные исследователи текста отмечают смысловую многоплановость литературной композиции «Пиковой дамы», притом, что в ее основе лежит, как говорили во времена Пушкина, анекдот о графине Наталье Петровне Голицыной, которая выручила проигравшегося в карты внука, назвав ему три верные карты, назначенные ей некогда в Париже графом Сен-Жерменом. Внук поставил на три карты и отыгрался. *«Дальнейшее развитие повести все вымыслено»*, — читаем в комментариях. Да так ли это?

Повторимся, повесть многоплановая, но первое, что бросается в глаза — отсутствие имён у ключевых персонажей. Нет имени у конногвардейца Нарумова, игроков Сурина, Чаплицкого и банкомёта Чекалинского, а также у главного персонажа повести — Германна. Словно спохватившись, Пушкин наделяет именем Томского. Однако нужно быть очень внимательным читателем, чтобы сходу соединить имя князя Павла Александровича с фамилией Томский. У старухи графини и её воспитанницы Лизаветы Ивановны есть имена, но нет фамилий.

Это тем более странно, что Нарумов и Сурин упомянуты в завязке повести, а *славный* Чекалинский — ключевая фигура в развязке. Не менее странно и то обстоятельство, что Лизавета Ивановна в сохранившемся наброске повести имеет полное имя — Шарлота Миллер, четвертая дочь обрусевшего немца, обанкротившегося купца второй гильдии. Герман (в наброске это пока еще имя героя и пишется оно с одним «н») живет с Шарлотой в одном дворе. *«И скоро они полюбили друг друга, как только немцы могут еще любить в наше время»*, — замечает Пушкин.

Банкомёт и понтёры. Александр Бенуа.

В третьем сохранившемся наброске повести Чекалинский, видимо, приняв первую весьма крупную ставку Гермманна, интересуется у Нарумова, как зовут его приятеля.

Объяснения феномену безымянства в «Пиковой даме», нет ни у одного из комментаторов, и это **первая непонятка**.

Во что играют у конногвардейца Нарумова, объяснять современникам Пушкина не было нужды. Для современного читателя сделаем исключение. За столом у Нарумова играют в фаро или фараон. Другие названия игры — штосс, если играют двое, или банк (банк-стол, банчок), если играют несколько человек. Чекалинский и Гермманн в финале повести играют вдвоем, следовательно, они играют в штосс.

Из распространенных в XIX веке коммерческих игр штосс — наиболее тупая. В ней от игрока, если, конечно, он не шулер, не требуется ни умения, ни умственного напряжения. Играют двумя колодами, причем в приличном обществе, чтобы исключить неожиданности, в игре используют только новые колоды. Чекалинский и Гермманн играют новыми колодами.

Технически игра выглядит так: игрок (понтёр, отсюда *понтировать* и современный фразеологизм «кидать понты») и банкомет вскрывают две колоды. Игрок вынимает из своей колоды заветную карту и кладет ее перед собой рубашкой вверх. Карта накрывается ставкой — живыми деньгами или векселями, или же размер ставки пишется мелом на

столе. По традиции, игрок подрезает картой колоду банкюмета и после этого он не вправе уже изменить свою карту — игра началась.

В классическом варианте все может решиться уже по первым двум картам. Банкюмет переворачивает свою колоду рисунком вверх и сдвигает верхнюю карту — «лоб» — вправо, обнажая следующую за ней карту — «сонник». Понтер показывает свою карту. Если «лоб» совпадает по достоинству с картой понтюра (масть значения не имеет), то выиграл банкюмет, если совпадение в «соннике», то выиграл понтюр. Если совпадений нет, то игра продолжается. В описании игры Чекалинского и Германна эта деталь отсутствует. Заветные карты Германн вскрывает только после того, как они выпадают налево.

Карта за картой колода разделяется на две кучки — вправо кладутся карты банкюмета, влево — карты понтюра (отсюда фразеологизм «ходить налево»). Если карта понтюра выпадает налево — он выиграл, если направо — проиграл. Во время игры понтюр может увеличить ставку, загнув угол карты («пароли пе») и таким образом утроить свой выигрыш в случае удачи. Естественно, что по окончании игры колода с мечеными картами вторично использована быть уже не может.

***

Решившись на игру Германн вымогает у графини заветные три карты Сен-Жермена, но Анна Федотовна с испугу умирает. И с этого момента в повести начинаются чудеса. Лизавета Ивановна при известии о смерти графини немедленно вспоминает слова Томского о Германне: «...у этого человека, по крайней мере, три злодейства на душе».

Если принять обман Лизаветы Ивановны за первое злодейство, а смерть графини за второе, то о третьем злодействе автор попросту умалчивает.

Германн, не чувствуя раскаяния за свой поступок, тем не менее вину свою сознает. Замечание Пушкина:

«Имея мало истинной Веры, он имел множество предрассудков».

Мучимый предрассудками, Германн идёт просить прощения у мёртвой графини — он, хотя и не убийца, но все же причина её смерти. Графиня из гроба, прищуривая глаз, насмешливо глядит в лицо склонившегося над ней Германна.

И вот вам непонятка номер два: взгляд графини виден только Германну. Обстоятельство это — видение — обыкновенно связывают с болезненным состоянием самого Германна, хотя внезапный прищур может быть объяснен посмертным сокращением мышц лица, вызванных температурным режимом в соборе — из дверей сквозит, но от множества свечей исходит тепло.

После прощания с графиней в надежде заглушить волнение Германн напивается в трактире, но тщетно — вино лишь горячит воображение. Дома он крепко засыпает и просыпается уже совершенно спокойным. На часах без четверти три, и это важное обстоятельство.

Внезапно заявляется покойная графиня. И вот вам непонятка номер три — Германн, накануне при свете дня бурно отреагировавший всего-то на легкий прищур покойницы, теперь встречает её среди ночи без страха, правда, потом он долго не может опомниться, но это уже потом. Удивления достойна речь графини:

«— Я пришла к тебе против своей воли, — сказала она твёрдым голосом, — но мне велено исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и туз выиграют тебе сряду, — но с тем, чтобы ты в сутки более одной карты не ставил, и чтоб всю жизнь уже после не играл».

Оказывается, у покойной графини есть поручение к Германну! Но и в чужую волю она пытается твёрдым голосом вставить свое условие:

«— Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...»

И эту часть повести — видение старухи-покойницы — обыкновенно объясняют возбужденным состоянием Германна и или даже его глубоким сном под воздействием алкоголя, но меня всегда смущало это

А въ ненастные дни

Собирались они

Часто;

Гнули—Боѣ изъ прости!—

Отъ пятидесяти

На сто,

И вымывали,

И отписывали

Мѣломъ.

Такъ, въ ненастные дни,

Занимались они

Дѣломъ.

пушкинское многоточие. В набросках к повести Пушкин употребляет латинское *et cetera*. Например, «В одном из *etc*» или «Герман был твердо *etc*». И вдруг многоточие, как бы подразумевающее, что было сказано что-то ещё, чего Германн в записке о своём видении не упомянул. Возможно, он опустил в записи свой договор с тем, кто послал старуху — с дьяволом.

Принято думать, что автор является полновластным хозяином своим персонажам и может заставить их делать все, что угодно. Наверное, это справедливо по отношению к современным авторам ужасиков, но Пушкин-то не таков! Герой, которого он оживил силой своего воображения, начинает жить жизнью, неподконтрольной автору. И не всякого героя можно заставить сделать все, что угодно.

Германн, когда садится за стол, чтобы записать свое видение, — зачем бы это? — действует вполне самостоятельно, как бы помимо воли автора. Германн записывает видение, но что станет впоследствии с этой записью, читатель так и не узнает. Но зачем-то ведь он его записал? Запись видения и его дальнейшая судьба — это непонятка номер четыре.

Сорок семь тысяч рублей, поставленных Германом, на тройку — деньги отнюдь немалые по пушкинским временам — это целое состояние! Сравните со ставками в «Игроках» Гоголя, сделав соответствующую поправку на гротеск пьесы, а ещё лучше сравните с ценой мертвых душ, которые скупает Чичиков. Навар Чичикова при условии 200 рублей залоговой стоимости ревизской души составил 80 тысяч кредита под 6 процентов годовых, сроком на 24 года.

С тройкой и семеркой проблем нет, а вот с тузом выходит промашка. Ставку на тройку Чекалинский принимает ласково. Выигравшая семерка смущает его. В третий раз Чекалинский бледен уже заранее, он насилу улыбается, и руки его дрожат, когда он начинает метать карты. Направо легла дама, налево туз. «Туз выиграл!» — объявляет Германн и предъявляет... пиковую даму, не понимая, как он мог обдернуться. И тут самое время разобраться в том, что же произошло.

Обдернуться Германн не мог — в этом заключается основная непонятка. Он и это, несомненно, хладнокровно вынимает из своей колоды туза. Если бы он обдернулся и вынул из своей колоды две карты — вместе с тузом еще и пиковую даму, прилипшую к его рубашке, то был бы немедленно схвачен за руку другими игроками, внимательно наблюдающими за игрой. Скорее всего, он был бы бит ещё до начала прокидки и как шулер с позором изгнан из общества. Если бы он все же обдернулся и случайно вынул из колоды две карты, оставшиеся незамеченными для игроков, то поднятая дама оставила бы на столе туза, и вновь быть Германну биту. Значит, все-таки это была одна карта — туз.

Рассмотрим еще один возможный вариант, а именно шулерский прием втирания (отсюда фразеологизм «втирать очки»). Но прием этот никогда не применялся по отношению к картинкам. Нарисовать на даме туза, которого можно «случайно» втереть в сукно, нереально. Можно, например, сделать из тройки четверку. Если у шулера выпадает четверка, он предъявляет фальшивую четвёрку, а если выпадает тройка, незаметно стирает карту о сукно и — вуаля! — в руках снова тройка.

Для исполнения трюка нужна определенная ловкость рук, которая достигается постоянными упражнениями. Однако Германн отнюдь не шулер!

Можно, конечно, попытаться разобрать значение трёх карт в сочетании — тройка, семерка, туз. Во времена Пушкина для гадания на картах использовалась система француженки Марии Ленорман, как говорят, предсказавшей Наполеону неудачный поход в Россию и одинокую смерть в ссылке. Однако, не зная сочетания назначенных и выпавших мастей, рассуждение будет иметь мало смысла.

В сухом остатке мы как будто имеем дело с предсказанием в виде программы — три карты, которые следует разыграть по одной ставке в день при условии затем уже не играть никогда. Типично дьявольские штучки! Вот и Бенуа не удержался от того, чтобы не изобразить за спиной Чекалинского чёрта, гонящегося за госпожой Фортуной с повязкой на глазах. Или это маска! Однако, что она держит в правой руке? Рог изобилия или что другое? И это уже конкретная непонятка от Александра Бенуа.

Получив на руки 188 тысяч рублей с выигрышей на тройке и семерке — состояние внушительное! — Германн вполне мог бы остановиться и более не рисковать, но он продолжает тупо исполнять программу, объявленную ему покойной графиней, причём против её воли. Вот самое время, когда следует вспомнить о таинственном многоточии. Когда Германн играет в третий раз, программа уже дала сбой, но из-за многоточия мы никогда не узнаем, в каком именно месте он произошел.

Получается, что пушкинский анекдот значительнее своего обрамления — многоплановой литературной композиции. Предположим теперь, что роковой сбой в программе произошел в тот момент, когда покорная чужой дьявольской воле графиня вставила в программу свои

Пиковая дама означает тайную недоброжелательность.

Новейшая гадательная книга.

три копейки — условие жениться на Лизавете Ивановне. И, если это действительно так, то вслед за автором «Пиковой дамы» я ударяю в ладоши и восклицаю: *«ай да Пушкин! ай да сукин сын!»*

Вот и пришла пора поговорить о научной подоплёке всех пушкинских непоняток.

Научный прогноз, предсказание, пророчество

Однажды мне пеняли за то, что я цепляюсь за малую разницу между *«синонимами предсказание и пророчество»*. Пенял родновер со всем пылом одержимого сектанта. Не тратя попусту бисера, замечу, что разница все же есть и немалая. Чтобы правильно оценить соотношение предсказания и пророчества, нужно то и другое сравнить с прогнозом.

Прогноз по своей сути является научным предвидением развития того или иного процесса (ситуации). Специалист, обладающий данными статистики за определенный период времени, владея научными знаниями и специфической информацией, опираясь на практический опыт — анализирует ситуацию и делает прогноз развития событий (экстраполяцию) на ближайшее или отдаленное будущее.

Таков, например, прогноз погоды. Синоптик, располагая метеорологическими данными за ряд предыдущих десятилетий, данными, характеризующими развитие ситуации за последний месяц, неделю или несколько дней, делает прогноз температуры, осадков и направления ветра для определенной территории на завтра, на ближайшие два-три дня или на неделю вперед. В статистике под экстраполяцией (прогнозом) подразумевается распространение установленных в прошлом тенденций на будущий период времени либо распространение данных, полученных из репрезентативной выборки, на другую часть совокупности, не подвергавшуюся наблюдению.

Предсказание в отличие от прогноза не опирается вообще ни на какую научную основу, кроме житейского опыта или интуиции самого предсказателя. Помню, как в прямом эфире Русского видеоканала хромая и косоглазая предсказательница до слез насмешила студию, пообещав, что сгустившаяся с утра мрачная атмосфера, к вечеру рассеется без следа. А каково?! Предсказание, слава Богу, осталось без последствий.

Предсказание по сути своей является научно необоснованным прогнозом в статусе программы. Таково, например, предсказание, сделанное герою «Пиковой дамы» Германну: сделать ставку на три карты с условиями определенной последовательности действий: делать по одной ставке в день сначала на тройку, потом на семерку и, наконец, на туза с обязательством после третьей ставки больше никогда не играть.

Старуха-покойница вставляет в чужую программу собственное условие (женильбу на Лизавете Ивановне), и — вуаля! — программа даёт сбой, выбросив вместо туза пиковую даму. Предсказаниями, т.е. программами являются все без исключения гороскопы — «астрологические прогнозы», предписывающие определенным знакам зодиака в определённое время совершать одинаковые действия или воздерживаться от оных,

под страхом упущенной выгоды или возникновения непредсказуемых негативных последствий. Практическая астрология, основанная на зодиаке, это серьёзная индустрия с годовым оборотом в сотни миллиардов долларов, а то и в несколько триллионов. Кто считал?

Наиболее успешным предсказателем считается Мишель Нострадамус, который делал предсказания о таких вещах, о которых не имел никакого понятия. Посему предсказания Нострадамуса весьма туманны, косноязычны и толкуются большей частью *post factum*, но уже не как программы, а как некое, доступное лишь ему сакральное знание об исторически значимых событиях отдалённого будущего.

Особым случаем предсказания являются гадания. По своей изначальной сути, гадание призвано освободить просителя от ответственности за совершение выбора. Настоящая гадалка (предсказатель, числогадалка, астролог) возьмется сделать предсказание только в проблемной ситуации, когда есть выбор между двумя вариантами поведения (поступка) и никогда не возьмет на себя ответственность за совет (*так говорят звезды, линии на ладони, так выпала карта, кости, палочки, камешки, раковины, et cetera*).

Авгуры, практиковавшие ауспиции — гадания по полету птиц, решали проблемные ситуации в зависимости от того, с какой стороны — справа или слева от предсказателя вылетали птицы. При наличии сноровки и мотивации вылет птиц с нужной стороны всегда можно было организовать. Гаруспики делали предсказания по внутренностям животных, отдавая предпочтение печени жертв. Клиенты с печенью не спорят!

Не прибегая к теории вероятности и упрощая, можно сказать, что выбор между двумя равновероятными вариантами поведения бывает для просителя чрезвычайно сложным, а особенно в ситуации, когда выбирать приходится из двух зол. Так, например, в преферансе определить снос в ловленном мизере с двумя «дырами» можно только интуитивно. Опытный игрок в такую ситуацию попадет вряд ли, а неопытный будет выбирать между сносом одной из «дыр» и так называемым косым сносом в надежде на фартовый расклад или промах ловцов. То и другое одинаково опасно для игрока, но для ловцов «пойти простым логическим путем» уже не представляется возможным — нужен опыт или интуиция.

Еще один особый случай гадания — оракул. Невнятные оракулы дельфийской пифии получали свою интерпретацию из уст жреца, который толковал их сообразно со своим жизненным опытом или по внезапному наитию. Удостоившийся оракула, сам решал, как применить толкование к своей проблемной ситуации. Таким образом, оракул был производным трех ничем не связанных между собой переменных.

Пророк Иона во чреве кита.

Широко известна история Диогена из Синопа — города милетской колонии на южном берегу Черного моря. В молодости он получил оракул — *νόμισμα παραχαράττειν* — по-гречески *переоценить ценности*, например, перечеканить монету. Довольно прозрачный намек на то, чтобы переменить житейское призвание с фальшивомонетничества на что-то более пристойное. Этому оракулу мировая история обязана появлением родоначальника философии кинизма Диогена Синопского.

Гаданий существует великое множество, но цель любого из них — проявить волю рока (судьбы), чтобы освободить просителя от ответственности за решение, которое он должен принять. Простейший способ снять с себя ответственность — подбросить монетку.

Библейские пророчества по своей сути всегда есть божественное откровение. За исключением пророчеств, относящихся к ожиданию мессии, библейские пророчества носят предостерегающий характер. Идеальный вариант реализации библейского пророчества — отвращение от греха, избавляющее от кары за него. Классический пример пророчества, достигшего своей цели, это история малого библейского пророка Ионы.

Господь говорит Ионе: *«встань, иди в Ниневию — город великий и проповедай в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня»*. Вместо того

Гадалка. Вторая версия. Микеланджело Меризи да Караваджо.

чтобы отправиться в Ниневию строптивый Иона бежит на корабле в Фарсис. Корабль настигает великая буря. Чтобы спастись, корабельщики кидают Иону за борт, где его глотает кит. В чреве кита Иона проводит три дня и три ночи в покаянной молитве. Молитва услышана, и Господь вновь повелевает Ионе: *«встань, иди в Ниневию — город великий и проповедай в ней, что я повелел тебе»*.

В Ниневии Иона ходит по городу и проповедует, говоря: *«еще сорок дней, — и Ниневия будет разрушена!»* Кому такое понравится? Однако жители Ниневии пророчеству вяли. Царь Ниневии снял с себя царское облачение, оделся во вретиче, т.е. в траурную одежду из грубого волоса, сел на пепле и увещевал народ свой отворотиться от *насилия рук своих*. Господь увидел, что жители Ниневии вяли предостережению, отвратились от греха, и, пожалев, обещанного бедствия на них не навёл. Но не это поразительно.

Строптивый пророк Иона так огорчился счастливому исходу своей пророческой миссии, что стал роптать на Господа! Господь спрашивает его: *«неужели это огорчило тебя так сильно?»* Иона же вышел за город, сделал себе куцу и стал в её тени ждать уничтожения города. И вновь Господь говорит ему: *«Мне ли не пожалеть Ниневии, города вели-*

кого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?»

Гадатели, целители, маги, экстрасенсы, астрологи часто прикрываются иконами, однако правила Святых Апостолов неумолимы:

«Покаявшийся в волшебстве подлежит епитимьи убийцы. Облакогонители, обаятели, делатели предохранительных талисманов, колдуны, гадатели подлежат шестилетней епитимьи. Закосневающие в сём извергаются из церкви. Приходящие с отвержением веры к чародеям или прорицателям, или обещающим через демонов учинить некое отвращение вреда, подвергаются осуждению с отступниками от веры».

Miséricorde: тайна Дон-Жуана

Среди пушкинских «маленьких трагедий», пожалуй, самая известная «Моцарт и Сальери», примеривать которую на реальных исторических персонажей бессмысленно. Тем не менее, «трагедия» разобрана на цитаты:

Все говорят: нет правды на земле,
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.

Музыку я разъял, как труп. Поверил
Алгеброй гармонию.

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля.

... я избран, чтоб его
Остановить — не то мы все погибли.

... Гений и злодейство
Две вещи несовместные...

Подмечено даже, что восклицание Сальери *«Ты выпил!.. Без меня?»* более соответствует русскому менталитету, чем итальянскому (Сальери — итальянец).

Когда-то эстонский поэт и литературовед Валмар Адамс в беседах далеко за полночь внушал мне, что познать европейскую литературу XVII-XVIII веков можно и, не владея языками, — достаточно внимательно читать Пушкина. Меня же не оставляет чувство, что маленькая трагедия двух композиторов по накалу страстей — это настоящая античная трагедия, разыгранная в европейских интерьерах, однако для просвещения русского читателя.

Однако сейчас нас интересует супертриллер «Дон-Жуан».

Дон-Жуан. Владимир Высоцкий.

Ужин у Лауры. Любовная сцена Лауры и Дон-Карлоса. Внезапное появление Дон-Жуана и его дуэль с Дон-Карлосом. Многим памятна реплика Дон-Жуана, полная любовного томления и одновременно завораживающая своим притворно примирительным тоном в исполнении Владимира Высоцкого в фильме Михаила Швейцера. И тон этот таков, что Дону Карлосу он не обещает ничего хорошего (в виду экономии места авторский стихотворный текст развёрстан):

Дон-Жуан. Вот нечаянная встреча! \Я завтра весь к твоим услугам.

Дон-Карлос. Нет!\ Теперь – сейчас.

Лаура. Дон-Карлос, перестаньте! \Вы не на улице – вы у меня –\ Извольте выйти вон.

Дон-Карлос (её не слушая). Я жду. \Ну что ж, \Ведь ты при шпаге.

Дон-Жуан. Ежели тебе \Не терпится, изволь.

Бьются.

Лаура. Ай! Ай! Гуан!..

Кидается на постелю. Дон-Карлос падает.

Дон-Жуан. Вставай, Лаура, кончено.

Мёртвый Дон-Карлос. Ивар Калныньш.

Лаура. Что там? \ Убит? прекрасно! в комнате моей! \ Что делать мне теперь, повеса, дьявол? \ Куда я выброшу его?

Дон-Жуан. Быть может, \ Он жив ещё.

Лаура (осматривает тело). Да! жив! гляди, проклятый, \ Ты прямо в сердце ткнул — небось не мимо, \ И кровь нейдёт из треугольной ранки, \ А уж не дышит — каково?

Дон-Жуан. Что делать? \ Он сам того хотел.

Последняя равнодушная реплика этого повесы и прирождённого убийцы нам тоже памятна в исполнении Владимира Высоцкого.

«И что же таинственного в этой сцене?» — спросите вы. Во-первых, дуэль описана сверхлаконично — *бьются* — хотя это выигрышное место для любого автора. Во-вторых, вас не смущает замечание Лауры: «*Ты прямо в сердце ткнул — небось не мимо, \ И кровь неидет из треугольной ранки, А уж не дышит*»?

Меня смущает.

Смущает бескровная треугольная ранка на груди Дона Карлоса и вот почему. Декорации пушкинского триллера явно испанские, отсылающие читателя в испанское средневековье, через сюжет пьесы Тёрсо де Молина «Севильский озорник, или каменный гость».

Классическая испанская шпага второй половины XV столетия.

Основой для пьесы де Молина послужила подлинная история испанского аристократа Хуана Тенорио — современника кастильского короля Педро I Жестокого. Время правления Педро I пришлось на период с 1350 по 1369 годы, т.е. на вторую половину XIV столетия. Дон Хуан у Тирсо де Молина орудует шпагой, которой не могло быть у Хуана Тенорио, поскольку появление классической испанской шпаги связывают с шестидесятью годами XV столетия.

Используя так называемый бродячий сюжет, Пушкин не дает нам жесткой привязки ко времени — действие «маленькой трагедии» происходит где-то между второй половиной XV и концом XVI столетия. Классическая шпага появилась в Испании во времена готического доспеха в виде церемониального меча — *espadas roperas* (в смысле *меч для одежды*, а не для доспехов). Во второй половине XVII столетия во Франции появилась короткая гражданская шпага. Ее преимущество заключалось в возможности более быстрого и изящного фехтования, а вес был значительно облегчен за счет появления граненых клинков. Изначально граненый клинок имел шестигранную форму с долами, т.е. с продолговатыми углублениями на клинке. Только в конце XVII столетия возникла трехгранная форма клинка с долами.

Классический дага для левой руки с усиленной гардой. XVII в.

Эволюция *espadas roperas* практически полностью исключает возникновение на груди пушкинского Дон-Карлоса маленькой треугольной ранки от удара шпагой. Оружие Дон-Карлоса и Дон-Жуана — шпаги с одним или двумя лезвиями, т.е. мечи, эволюционировавшие из рубящее колющего в колюще-рубящее оружие. Нанесенная таким оружием рана, тем более в сердце, должна была обильно кровоточить и залить всю постелью любвеобильной Лауры

В паре со шпагой обыкновенно использовался кинжал или дага, что привело к появлению в XV столетии стиля фехования *espada y daga*. Шпага в правой руке использовалась для атакующих ударов, кинжал или дага в левой руке для отражения ударов противника. Классическая дага имеет вид короткой колюще-режущей шпаги с узким от полутора до двух с половиной сантиметров клинком и усиленной гардой. Клинок может быть плоским или четырехгранным с шириной грани у гарды около одного сантиметра. Второе назначение даги — удар, который наносили смертельно раненному, но еще живому противнику, получивший название *misericorde* — удар милосердия. К сожалению, дага в силу своей формы тоже не могла бы оставить на груди Дон-Карлоса маленькую треугольную ранку.

Возможно, пушкинский Дон-Карлос был убит другим холодным оружием — стилетом, т.е. колющим клинком итальянского происхождения, получившим распространение в начале XVI столетия. Стиллет — в классическом варианте кинжал, имеющий круглое, овальное, четырехгранное, а чаще всего трехгранное сечение лезвия длиной от 18 до 27 сантиметров с долами.

Трехгранный стилет XVII века с ножнами в виде булавы.

Стилет — эволюционировавшая дага — оружие наемных убийц, заговорщиков, шпионов и... слабых женщин. Его легко спрятать в одежде, например, в рукаве или за корсетом. Стилет в современном исполнении — это заточка из напильника или просто из длинного гвоздя — *двадцатки* — на деревянной ручке. Заточка — оружие простое, дешёвое и максимально эффективное.

И вот вам история из жизни. В субботу, 10 сентября 1898 года венгерская королева Элизабет с фрейлиной прогуливалась по набережной Женевского озера. На королеву неожиданно набросился молодой человек, как потом оказалось итальянский анархист Луиджи Луккена.

Женщины подумали, что он просто хотел украсть сумочку. Освободившись от нападающего, королева сделала несколько шагов, внезапно почувствовала слабость, а несколько мгновений спустя она была уже мертва. Когда ей расстегнули корсет, то под сердцем обнаружили крохотную треугольную ранку, как потом оказалось, от напильника.

Так что венгерская королева Элизабет погибла от варварского варианта стилета — бандитской заточки.

А что же пушкинский Дон-Карлос? Почему *уж кровь не идёт из треугольной ранки?*

В фильме Михаила Швейцера Дон Карлос получает за занавеской удар в грудь шпагой с широким лезвием, что хорошо видно в кадре. В левой руке Дон-Жуан держит дага, и кинжал этот всё время в кадре, не исчезая ни на секунду. Однако, у Пушкина Лаура говорит о ране от стилета в его классическом трёхгранном исполнении: *«Ты прямо в сердце ткнул — небось не мимо, И кровь нейдёт из треугольной ранки»*. Вопрос только в том, откуда вместо раны от плоского лезвия шпаги взялась рана от трёхгранного стилета и как вообще Дон-Жуану удалось нанести свой *miséricorde*, прежде смертельного удара шпагой.

В этом-то и тайна! Ай да Пушкин!

Путешествие в царство мёртвых

Знаменитая пушкинская поэма — в авторской интерпретации *петербургская повесть* — «Медный всадник», легко распадается на три неравных по содержанию и философской глубине части, и в этом смысле *повесть* нельзя назвать образчиком целостности литературного произведения.

В дореволюционных предисловиях к поэме можно прочесть, что Пушкин *«как бы искал сюжета, в котором драматизм положения главного героя истекал бы из неизбежного хода истории»*. Недаром же августейший цензор поэта разрешил в 1834 году опубликовать только вступление, воспевающее Санкт-Петербург: *Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий стройный вид, Невы державное течение, береговой ее гранит, твоих оград узор чугунный...* Ну, и так далее.

Сколько прекрасных творений было инспирировано этими пронзительными пушкинскими строками. Да вот, взять хотя бы стихи Николая Агнивцева:

Скажите мне, что может быть
Прекрасней «Невской перспективы»,
Когда огней вечерних нить
Начнет размеренно чертить
В тумане красные извивы?!..
Скажите мне, что может быть
Прекрасней «Невской перспективы»?..

Скажите мне, что может быть
Прекрасней майской белой ночи,
Когда начнет Былое вить
Седых веков седую нить

Зимний дворец и Александрийский столп.

И вернуть столетья хочет?!..
Скажите мне, что может быть
Прекрасные майской белой ночи?..

Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы Петербургской,
Когда она захочет свить
Любви изысканную нить,
Рукой небрежною и узкой?!..
Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы Петербургской?..

Но сейчас не об этом, хотя петербургские стихи Агнивцева просто вопиют о том, чтобы про них не забывали.

Первая часть «Медного всадника» посвящена наводнению, которое у Пушкина предстает настоящим апокалипсическим потопом. Он не был свидетелем знаменитого петербургского наводнения 7 ноября 1824 года, поэтому при недостатке личных впечатлений и переживаний позволил себе некоторые поэтические вольности.

Гробы с размытого кладбища
Плывут по улицам!
Народ
Зрит Божий гнев и казни ждет
Увы! всё гибнет: кров и пища!

Медный всадник

Где будет взять?
В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С Божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.

Литературовед Пётр Бартенеv зафиксировал слышанную им от очевидцев наводнения историю о том, как один из всплывших гробов прошиб раму в нижнем этаже Зимнего дворца и былнесен водой в комнату Государя. Очевидно, что история эта ходила из уст в уста задолго до того, как ее записал Бартенеv, родившийся в 1829 году. Видимость достоверности рассказу Бартенева придает то обстоятельство, что страдавший рожею на ноге Император Николай I, жил в нижнем этаже дворца. Рожа — это инфекционное заболевание, название которого происходит от французского *rouge*, т.е. красный. Именно болезнь объясняет трудности, возникавшие у Государя при пользовании лестницами.

Для меня интерес представляет вторая часть этой *петербургской повести*, описывающая последствия потопа, судьбу Евгения и его ужасный сон. Про сон Евгения не писал разве что ленивый. В его основе лежит знаменитый петербургский анекдот о майоре Батурине, относящийся к 1812 году. В виду надвигающейся армии Наполеона Бонапарта

Император Александр I повелел эвакуировать ценности, в том числе конную статую Петра Великого.

Майор Батурич рассказал князю Голицыну свой сон о том, как он стоит на Сенатской площади и смотрит на статую Петра. Внезапно статуя съезжает с гранитной скалы и скачет на Каменный остров, где тогда жил Император Александр I. Петр корит Александра за развал России и обещает ему, что городу быть, пока его статуя будет оставаться на своем месте.

Сон безумного Евгения внешне повторяет сон майора Батурича, за тем исключением, что сон Батурича носил пророческий характер, а сон Евгения — это всего лишь часть его безумия. Безумие Евгения обыкновенно воспринимается, как нечто само собой разумеющееся, и его причинам не придают какого-то особенного значения — подумаешь, несчастная любовь! Похоже, что Пушкин несколько перемудрил с эклектикой, соединяя в одном произведении разнородные идеи и сюжеты. Между тем в основе второй части истории лежит распространенный античный сюжет, основанный на греческих представлениях о загробной жизни, дороге в царство мертвых и о том, что с этим связано.

Путешествие Евгения в поисках возлюбленной Параша на острове в устье Невы — это путешествие Орфея в Аид — в царство мёртвых за возлюбленной Эвридикой:

Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь
Евгений смотрит: видит лодку
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет —
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Чрез волны страшныя везет.
И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их рядами
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был челн — и наконец
Достиг он берега.

Все настолько прозрачно, что даже странно, как этого не замечают. Нева предстаёт в образе реки Ахерон, ведущей к входу в

Харон, взимающий плату с Психеи. С картины Д.Стенфора.

преисподнюю (у Пушкина — на остров). В греческой мифологии название Ахерон носит река в подземном царстве, через которую Харон перевозит в челноке души умерших. В подземный Ахерон впадают две реки подземного царства — Пирифлегетон и Коцит. Чем не два рукава Невы — Малая Нева и Малая Невка, образующие часть стрелки Васильевского острова и впадающие в Невскую губу между Петровским и Крестовским островами?

Теперь о беззаботном перевозчике. Харон действительно беззаботный перевозчик. Он сам отбирает, кого следующим разом повезет в подземное царство. Никто не может вступить в его чёлн, не заплатив за перевоз одного обола. Эту мелкую медную монетку греки клали под язык умершим. А у какой души обола не было, та была обречена ждать сто лет на берегу, пока Харон не перевезет ее на другой берег бесплатно. А всё потому, что Харон перевозит только те души, чьи тела обрели покой в могиле.

Обратно чёлн Харона всегда возвращается пустым. В царство мертвых нет входа живым, и потому никто не возвращается из него в мир живых. Случай Орфея, покорившего своим пением владыку Аида, не в счет. Ему было позволено забрать умершую от укуса змеи Эвридику в мир живых при условии, что он преодолеет обратную дорогу, ни разу не обернувшись. Условие оказалось для Орфея непосильным, и Эвридика не

попала в мир живых. И хотя Орфей был полубогом, он все же изрядно тронулся умом и довёл Фракию до исступления своими песнями о несчастной любви. Ревнивые вакханки растерзали Орфея на куски.

Евгений попадает в царство мёртвых за гривенник — серебряную монету, отнюдь не самую мелкую. Однако и этого мало, чтобы перевозчик так безрассудно рисковал в бурной реке. Похоже, что лодочник на Неве столь же беззаботен, как и Харон. Любопытно, что у Пушкина нет ни слова о том, как Евгений попадает обратно в мир живых, ведь Харон никого не возит обратно.

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.

Это и есть пушкинская мораль: настоящая плата за путешествие в царство мертвых — это безумие. Евгений становится безумен не потому, что потерял возлюбленную, а потому что проник туда, куда живым вход воспрещен.

А Медный всадник, пусть себе... Скачет...

В квадратном дюйме 300 сажен

Самая знаменитая карта в истории человечества принадлежит Роберту Льюису Стивенсону, и это карта острова сокровищ. А еще есть загадочная карта Хаджи Мухиддина Пири ибн Хаджи Мехмеда — турецкого адмирала Пири-реис, на которой в 1513 году были изображены очертания ещё неоткрытой Антарктиды. Географическая карта — всегда мистика, всегда тайна, всегда загадка, даже если это всего лишь стандартная спутниковая фотография с Google Map.

В русской поэзии XX века есть два пронзительных стихотворения, как будто посвященных картографии. Одно из них — «План города С.-Петербурга» принадлежит Николаю Агнивцеву, другое — «Географическая карта» принадлежит Тэффи.

В чужой стране, в чужом пышном доме
На стене повешен ея портрет,
Ея, умершей, как нищенка на соломе,
В муках, которым имени нет.

Но здесь, на портрете, она вся, как прежде —
Она красива, весела и молода.
Она в своей пышной, зеленой одежде
В какой рисовали ее всегда.

И вокруг к ней прильнули окрестные страны,
Как резная рамка, как витой венок
И Индия, и Китай, и пестрые Балканы —
Простая опора — подножие ног...

На лик твой смотрю я, как на икону:
— Да святится имя твое, убиенная Русь!
Твою одежду рукою тихо трону
И этой рукою перекрещусь.

Я знал людей, которые с не меньшим пиететом, чем Тэффи к карте Российской империи относились к карте СССР и могли по памяти довольно точно нарисовать силуэт Союза. Да я и сам в девяностые годы выучился рисовать карту Балтийского моря, чтобы за границей не объяснять на пальцах, где именно находится Эстония.

Стихотворение Николая Агнивцева — тоже шедевр:

В Константинополе у турка
Валялся, порван и загажен,
«План города С.-Петербурга»
(«В квадратном дюйме — 300 сажен...»)

И вздрогнули воспоминанья!..
И замер шаг... И взор мой влажен...
В моей тоске, как и на плане:
— «В квадратном дюйме — 300 сажен!..»

У меня тоже есть «План города С.-Петербурга» в масштабе 300 сажен в одном дюйме. Мой план не загажен по-турецки, но порван изрядно. И только пояснительная брошюрка к нему сохранилась почти в первоизданном виде. По ней можно узнать расценки на извозчиков — четверть часа днём 20 копеек, ночью — 30. Можно совершить воображаемое путешествие по присутственным местам Петербурга, судебным установлениям, церквям, музеям, библиотекам, учебным заведениям, лечебницам, садам и скверам, театрам. А можно выбрать театральные билеты в Мариинский Александринский театры, в Консерваторию, Народный дом императора Николая II, «Пассаж», и так далее.

Переполюнявшие Николая Агнивцева чувства становятся понятнее и ближе, когда разглядываешь «План города Нарвы» в том самом излюбленном до революции масштабе, в котором в одном английском дюйме укладывается 300 русских сажен.

На плане Эстляндская губерния одновременно нежно и хищно обнимает милую Нарву, принадлежащую к Петербургской губернии. Районы Иоахимсталь и Кренгольм — это уже и не Нарва вовсе, а Эстляндская губерния. На севере граница между губерниями проходит через то место ниже Шнеллергольма, где сейчас стоит памятник семёновцам и преображенцам, и охватывает места боев 1700 года, включая Петровский форштадт. В этой картографической тоске тоже *не мерянные* сажени в квадратном дюйме.

Четыре к шести — формат загадочной русской души

«Вино уберегло Россию от ислама, так что имеет смысл пить профилактически, чтобы уберечься от всех других духовных эпидемий».

Владимир Миклушевич. «Проблески».

Гуляющая по интернету фенечка про разоблачение эстонскими учеными загадочности русской души не выдерживает никакой критики, потому что чужая душа — всегда потёмки, а в потёмках возможно всё: и тайны, и загадки, и даже пустота.

Тайна души. Как-то так считается, что рассуждения Николая Бердяева о загадочности (тайне) русской души восходят к сочинению Фридриха Ницше «По ту сторону добра и зла». Ницше упоминает об иностранцах, которых «*изумляют и привлекают те загадки, которые задает им противоречивая в своей основе природа германской души*». У Ницше и Бердяева были достойные предшественники. О том, что душа по природе хри-

стианка — *anima naturaliter Christiana* — заметил ещё Квинт Септимиус Тертуллиан:

«Хотя душа заключена в тело, как в темницу, хотя она помрачена извращенными учениями, хотя она лишена бодрости благодаря страстям и похотям, хотя она рабски служит ложным богам; однако, когда приходит в себя, освободившись как будто от опьянения или сна, или какой-либо болезни, и делается снова здоровою, то произносит имя, Бог <...> Душа свидетельствует о Нем, как Судии, когда говорит: Бог видит, вручаю Богу, Бог воздаст мне. О свидетельство души, по природе христианки!» (Апология. 17.)

Потёмки человеческой души Тертуллиан не случайно сравнивает с опьянением и рабским служением ложным богам — вот где, по слову поэта, и *бездна тайны, и тайна бездны!* (Игорь-Северянин. «Хабанера II».) Ницше же лишь слегка усовершенствовал Тертуллиана, приписав душе новое свойство — национальную загадочность.

Как ни крути, а основоположником учения о загадочной русской душе вынужденно (временно) следует признать сумрачного германского гения. Дело его живёт и местами даже процветает, свидетельством чему могут служить непрекращающиеся в странах Балтии — Эстонии, Латвии и Литве поиски загадочной балторусской души.

Балторусская судьба. *«Оратор римский говорил среди бурь гражданских и тревоги: "Я поздно встал — и на дороге застигнут ночью Рима был!"»* Эти слова вложены Тютчевым в уста Марка Туллия Цицерона, но в каком-то смысле это сказано и от нашего, русского имени тоже. Нас тоже застигла ночь, и мы тоже в дороге, точнее в бегах. Мы как будто пытались убежать от судьбы, но теперь вынуждены догонять её, и чем энергичнее мы к ней движемся, тем более она отдаляется.

«Так!.. Но, прощаясь с римской славой, с Капитолийской высоты во всем величье видел ты закат звезды её кровавый!..» — и это тоже про нас, наша звезда тоже была кровавой, в смысле *красной*. И закатилась она так стремительно, что мы опомнились не сразу и до сих пор ещё не все. Теперь вот прощаемся со славой, наблюдая неприличные мемориальные жесты — модные в Эстонии памятники legionерам Waffen SS.

Кому-то может показаться, что события — личные и мировые, выпавшие на русскую долю в новоявленных странах Балтии, можно назвать роковыми только с натяжкой, однако это не так. Крушение в начале прошлого века империи (СССР), когда-то похоронившей Третий Рим (известно, четвертому не бывать) и ее последующий распад — это события, да ещё какие роковые! Отечество, внезапно отъехавшее из стран Балтии, оставило нас в положении солдатского сидора, забытого при отступлении в каптёрке хамоватого сундука.

И всё же нам выпало куснуть от блаженства — мы *«посетили этот мир в его минуты роковые»*. В каком-то смысле мы тоже собеседники, правда, призванные не на пир богов, а на пир победителей. Наше потерянное *всё* — это и Бог, и Отечество, и Судьба (конечно, с большой буквы — судил Бог!), которую мы пытаемся догнать.

Чечевичная похлебка. Первый символический акт отцеубийства (если хотите, назовите это сделкой) мы совершили, когда в угоду новой эстонской власти молча согласились на упразднение в личных документах отчества, т.е. *имени отца*. Мы: отказались от того, что посчитали малоценным или вовсе не имеющим цены, и после уже не могли остановиться, отчаянно пуская остатки отцовского наследства по ветру.

Не так ли поступил с голодухи ветхозаветный Исаав, когда за миску чечевичной похлебки продал Иакову первородство: *«Вот, я умираю; что мне в этом первородстве?»* (Бытие 25:32.) Однако в момент, когда рушилось привычное бытие, ведь не все же мы были при смерти?

Вгаво, господи! Вынудив нас сделать этот первый незаметный для глаза безнравственный шаг — отказ от имени отца, вы прикупили к пяти тузам в краплёной колоде ещё и джокера.

Свято место пусто не бывает. Эстонцы никак не могут выйти из затянувшейся на целое столетие войны потомков с предками, бунта сыновей против тирании отца. Именно это обстоятельство объясняет запредельную демонизацию эстонцами фигуры Иосифа Сталина — символического отца советских народов. Идет священная война правнуков папаши Калева с сыновьями тирана — *сталинитами*, война *общества граждан Эстонии* против *гражданского общества*.

Покушение на Отца — и на Творца тоже! — имеет своим прямым следствием покушение на то место, которое он занимает в социальной иерархии. Именно из этой проблемы — отрицания святости места —

проистекает дефицит эстонской экзистентности. Очевидная истина — *отечество есть причина сынов* — перестала быть для них очевидной, судьба превратилась в олицетворение экзистенциальных фобий. Отрицая Отца и место им занимаемое, носители *eestlus* (эстонства) тем самым отрицают и душу, и судьбу, и то место в своей культурной традиции, где издревле совершался акт инициации — последовательного превращения отрока в юношу, юноши в мужчину, мужчины в гражданина, гражданина в патриота, сына в отца. Вместе с простыми эстонцами под раздачу попало и все неэстонское население страны.

Однако святое место пусто не бывает, но не в смысле возможности замещения одной святости на другую, когда оное место на время пустеет, а в том смысле, что изначально присутствующая в этом месте святость неизбывна. И неизбывность эта не зависит от поругания сыновьями или забвения внуками. Найти обратную дорогу к святому месту может только навигатор с тончайшими настройками — душа.

Обретение Отца, Отечества, Судьбы невозможно без радикального освобождения от неувоенной желудком чечевичной похлёбки, невозможно без покаяния и очищения (катарсиса) — без той работы, для совершения которой предназначена душа. Способность к катарсису — вот основная тайна и одновременно предназначение души, во всяком случае, русской души. Апофатическая тварь отрицает (отсекает!) все то, что не есть Отец, ради Его прощения, ради возможности обрести единение с Ним.

Плата за отказ от судьбы. Для русской общины в Эстонии, освобождение от судьбы, грубо определяемой национальностью, к тому же отягощено условностью национального меньшинства. Именно эта условность в борьбе за признание гражданских прав низводит национальность до уровня сексуальной ориентации, вынуждая *русское меньшинство* конкурировать в сфере культурной автономии с *меньшинствами сексуальными, трансгендерами? queer people, et cetera*. Русский человек в Эстонии, не подавшийся искушению на время государственных реформ превратиться в зауряд-эстонца, остаётся носителем того, что лежит в основе фарта и непрухи — носителем *истинно русской судьбы*.

Политизация понятия судьбы привела к его невиданной девальвации в массовом сознании. В реальном эстонском хронотопе стремление освободиться от общей с инородцами — русскими! — судьбы парадоксальным образом уживается в общественном сознании с беспрекословным подчинением судьбе личной. При таком взаимоисключающем подходе судьба постепенно перестаёт быть тем, чем она является — божественным предопределением — и становится своей противоположностью, т.е. *несудьбой*.

Новое понятие обозначает нечто противоположное судьбе как божественному предопределению — отсутствие, каких бы то ни было предопределений вообще. Несудьба рассматривается в качестве высшего проявления свободы. Если понятие судьбы (рока) для человека исторически всегда было связано с проявлением божественной воли, то несудьба это изобретение современное и поистине дьявольское. Предсказывают, что *человек судьбы* обречён на вымирание, в то время как *человеку несудьбы* принадлежит будущее.

Вслед за девальвацией понятия и само слово судьба — fortuna (судьба, счастье, везение) постигло дробление (специализация) и гиперинфляция. Мы больше не воспринимаем истинного значения таких, например, понятий, как «колесо фортуны» (переменчивое счастье), «солдат фортуны» (носитель и вершитель чужой судьбы), и т.д. В жаргонизмах русского языка — «пёр», «непруха», «маза», «фарт», равно счастливый и несчастливый — сохранилось гораздо больше смысла от первоначального понятия. Жаргон крепко связал этот изначальный смысл именно с русской судьбой.

Судьба и адаптационный синдром. Русская община в Эстонии со временем приобрела опыт самых разнообразных и порой поразительных способов выживания в *мультикультурном* и одновременно в *мононациональном* государстве. Чего только стоят навыки комфортного (бытового!) обустройства внутри оскорбительных политических ярлыков — оккупанты, колонисты, новопоселенцы, инородцы, и так далее. Уместно в этой связи напомнить о теории общего адаптационного синдрома Ганса Селье.

Того, кто сопротивляется своей судьбе, сначала ждёт астения — чувство тревоги, перепады настроения, ощущение дискомфорта, потом наступает фаза активного сопротивления, например, устройства политических движений, национальных партий, практика терроризма на религиозной или национальной почве. Если судьба оказывается сильнее, то в финале полный набор психосоматических заболеваний, причиной которых является психологический дискомфорт — увеличение надпочечников, язвы желудочно-кишечного тракта, фурункулёз, шизофрения, паранойя, раковые заболевания, Альцгеймер, и так далее. Наконец, полное истощение сил и неминуемый коллапс.

Тот, кто уходит от борьбы, кто не оспаривает предопределений судьбы, живёт долго и счастливо, наблюдая на закате дней, как река время от времени пронесёт мимо трупы исторических врагов. В этом смысле распад Советского Союза как будто ничему не научил ни эстонский народ в целом, ни его элиту. Эстонская «элита», с таким азартом изживает «совок» в себе и вокруг себя, что успела нажать коллективную паранойю и не одну общенациональную язву желудка, а также расчесать до

крови множество социальных фурункулов. «Элита» забыла о том, что именно коллаборационизм — в данном случае покорность судьбе — позволил ей, спустя почти восемь столетий, увидеть трупы злейших врагов и даже сплясать на их костях польку-бабочку в стиле «национальный модерн».

Нам внятно всё. Бессмысленно искать отражения загадочной русской души у Достоевского, Толстого или Солженицына. Для тех, у кого нет ключа, эта грамота будет мудренее *египетских иероглифов*. А все потому, что *русская душа* и *русская судьба* мистическим образом составляют единое и неделимое целое. Ключ пониманию этой связи легко отыщется в стихотворении Александра Блока «Скифы»:

*Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

Если острый галльский ум — это культура вина, то сумрачный германский гений — это культура пива. В галльском случае — легкое бодрящее опьянение, стимулирующее фантазию и побуждающее к творчеству. В случае с германским гением — тяжелое (мизантропическое!) опьянение, сопровождающееся болезненным диурезом, мрачными философскими прозрениями и утренним (рациональным!) похмельным раскаянием. Ключ к пониманию галльских фантазий, германского гения и много чего еще — в утверждении Блока о том, что нам, русским, внятно всё. Однако есть обязательные технические условия.

Назад к дистилляту! Именно потому, что нам, русским внятно всё, то диапазон загадок национальной души простирается от истовой русской религиозности, столь изумляющей несведущих в водке иностранцев, до столь же истового бунта и большевистского жидовствования. В самом термине нет ничего оскорбительного, технически он обозначает уподобление ортодоксальным иудеям, отрицающим Христа — Сына Божия, совершенного Бога и совершенного Человека.

Загадочность русской души в ее современном издании — это порождение культуры водки, произведенной из ректификаата. Сначала короткое легкое опьянение, как будто делающее внятным острый галльский ум, потом быстрый переход к бессмысленному, на первый взгляд, и беспощадному — на второй, типично русскому буйству (бунту). В финале — тяжелое, на германский манер опьянение и похмельное раскаяние.

Возвращение к дистилляту могло бы послужить возрождению русского человека. Однако не следует воспринимать философскую коллизию буквально. В известном смысле ректификаат (сок) — это эвфемизм сверхчистого духа, дух же превозносят тогда, когда стесняются говорить

Александр Блок на смертном одре.
Последний из тех, кому действительно внятно было всё.

о душе (дистилляте). Испустить дух, значит вернуть душе ее первородство. У гениального Салтыкова-Щедрина в «Письмах к тётеньке» находим:

«Сок» — это то самое вещество, которое, будучи своевременно выпущено из человека, в одну минуту уничтожает в нем всякие "бреды" и возвращает его к пониманию действительности».

Утоли моя печали. Прибалтийское издание русской души на манер автохтонного населения охотно мешает водку из ректификаата с пивом — нам тоже внятно всё! — тем самым лишая себя возможности внимать острому галльскому уму и проявлять, кажущееся бессмысленным, но такое родное русское буйство, в обмен на быстрое отупение, мизантропию и тяжелый похмельный синдром. От того и страдаем.

Между тем загадочность современной русской души, т.е. способность принимать чужие идеи и переживания как лично выстраданные, определяется простым соотношением четырех долей к шести, образующих при соединении абсолюта, утоляющий печали и умножающий радости. Или наоборот.

(Первые полный текст в сборнике «Антология русской души», Книга 1. Киев, 2012, стр. 142-145.)

Еще раз к вопросу о национальном культурном коде

Замечательную историю однажды рассказали поэт Николай Глейзаров и композитор Василий Соловьев-Седой голосами знаменитого друга Владимира Бунчикова и Владимира Нечаева (на фото).

Однако, чтобы в полной мере оценить прелесть истории «Самоваров» (1954) нужно вспомнить, что основной дометрической мерой объема жидкостей в России было ведро.

Ведро равно $1/40$ бочки = 10 кружкам = 30 фунтам воды = 20 водочным бутылкам (0,6) = 16 винным бутылкам (0,75) = 100 чаркам = 200 шкаликов = 12 литрам.

В тексте Николая Глейзарова упоминается самовар в полметра в высоту. С учетом ножек, основания и топки, скорее всего, речь идет о стандартном полуведерном самоваре объемом примерно 6 литров, реже – 5.

А вот теперь собственно история:

Сидели два товарища
Под яблонькой в саду,
За тульским самоварчиком
В полметра в высоту.

Чай гоняли весело
И просто, как могли.
О том, о сём и обо всём
Дискуссию вели.

Дорогой товарищ, как тут быть?
В самоваре пусто... Может повторить?
И друзья решили: что ж мудрить?
Раз самоварчик тульский,
Придётся повторить.

Сказал товарищ с гордостью:
"Как дружен народ!
Для нас лимоны Грузия
И чай душистый шлёт".

Всё это в годы старые
Нам виделось во сне.
А он, лимон, теперь не сон,
А факт у нас в стране.

Дорогой товарищ, как тут быть?
В самоваре пусто... Может повторить?
И друзья решили: что ж мудрить?
За Грузию родную придётся повторить!

Сказал товарищ ласково:
"Послушай-ка, дружок,
А к чаю нам Украина
Прислала сахарок.

В прикуску и в накладку пей,
Богатый мы народ!
Притом, чаёк не валит с ног,
А бодрость придаёт."

Дорогой товарищ, как тут быть?
В самоваре пусто... Может повторить?
И друзья решили: что ж мудрить?
За нашу Украину придётся повторить!

Уже под белой яблонькой
Горит зари пожар.
Друзья на стол поставили
Десятый самовар.

Припомнили Молдавию
И белорусский край,
Родную Волгу-матушку,
Приморье и Алтай,

Сибирь необозримую,
Широкий Енисей,
И всех своих людей простых,
И фронтовых друзей.

Дорогой товарищ, как тут быть?
В самоваре пусто...
По чарке, может быть?
И друзья решили: что ж мудрить?

За Родину, за дружбу
По чарочке налить!
За Родину, за дружбу
Придётся повторить!

***

Прикинем: десять раз по полведра — 60 литров. По 30 литров жидкости на каждого в течение одного светового дня. Не слабо! После десяти самоваров чая друзей потянуло на водку, и они не смогли отказать себе в этой малости! Известный фразеологизм *«чай не водка, много не выпьешь»* к чаю не имеет никакого отношения: *чаять* — я чаю — чай, т.е. *думаю, полагаю, ожидаю, надеюсь, уповаю*, на то, что *это* не водка, и много *этого* не выпьешь.

Культурный код — это понимание того, в каком именно месте нужно смеяться. Сочинение Глейзарова и Соловьёва-Седого — великолепный пример, того как важно вовремя посмеяться над собой, чтобы не прервать трансформацию хтонического монстра в человека разумного.
Не всем дано. Увы, не всем, потому так много монстров вокруг нас.
Однако Господь на нашей стороне.

